
Нашъ путь къ оздоровленію.

Приступая къ новому изданію, приходится ставить передъ собою вопросъ, — что же мы хотимъ сказать этимъ изданіемъ? Какова та главная руководящая идея, на которой мы бы могли объединиться? Признаемся, что отвѣтить совершенно ясно и конкретно на этотъ вопросъ въ условіяхъ современнаго момента нелегко.

Мы знаемъ, что культурное человѣчество переживаетъ кризисъ не только въ сферѣ реальныхъ отношеній, но и идейный. Его внутреннія противорѣчія въ области международныхъ отношеній уже выразились въ ужасной міровой войнѣ, въ которой культурные народы обнаружили готовность — подъ маской всевозможныхъ софизмовъ — прибѣгать къ самымъ ужаснымъ противучеловѣческимъ способамъ взаимоистребленія, какіе никогда еще не примѣнялись ни въ одной войнѣ и считались противными международнымъ законамъ: всѣ эти удушливые газы, подводныя лодки, бросаніе разрывныхъ снарядовъ въ мирное населеніе съ аэроплановъ, потопленіе госпитальныхъ судовъ, разстрѣливаніе санитаровъ и т. п. Въ этомъ уже обнаружился кризисъ въ области человѣческой этики людей XX вѣка. При томъ же цѣли войны соотвѣтствовали ея средствамъ: инициаторы ея—германскіе милитаристы — открыто шли къ провозглашенію своей гегемоніи надъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ то что бы то ни

стало. И это дѣлалось послѣ цѣлаго столѣтія борьбы народовъ за гуманизацию и демократизацию всей общественной жизни и учреждений культурныхъ странъ! Очевидно какое-то глубокое зло подняло голову.

Культъ физической силы, извлеченный изъ средне-вѣковья нитшеанствомъ и подхваченный современными милитаристами, далъ въ этой войнѣ какъ-бы свой послѣдній бой. Правда, онъ оказался формально побѣжденнымъ на полѣ брани, — право побѣдило силу; но осталась еще обширная область, область общественныхъ отношеній, гдѣ этотъ культъ нашелъ себѣ благодатную почву и гдѣ бой далеко еще не оконченъ. Значеніе переживаемаго момента выступаетъ здѣсь еще ярче. Роль нитшеанцевъ и милитаристовъ въ этомъ случаѣ исполняютъ русскіе большевики. Ихъ варварскіе приемы борьбы не менѣе милитаристичны, а ихъ конечная цѣль — "диктатура пролетаріата" — не менѣе гегемонична, чѣмъ приемы и цѣль ихъ германскихъ собратьевъ въ войнѣ. Намъ кажется, что они близки и по своему происхожденію: страна, породившая идеологию физической силы и войны въ лицѣ Нитше и его послѣдователей, дала міру и теоріи матеріалистическаго объясненія исторіи, и классовыхъ антагонизмовъ, и диктатуры пролетаріата, крайними выразителями которыхъ, доведшими ихъ до логическаго абсурда, и явились большевики. Но это лишь внѣшніе признаки этихъ двухъ загадочныхъ и отвратительныхъ явленій; ихъ сходство не ограничивается внѣшними чертами. Разбойничья большевистская теорія активнаго меньшинства, права его на захватъ государственной власти, насильственное навязываніе человѣчеству коммунистической утопіи и, наконецъ, поразительная неутомимость и жестокая энергія, съ которыми большевики проводятъ свои насильственные эксперименты, несомнѣнно отражаютъ на себѣ слѣды Нитшеанскаго "сверхчеловѣка".

вая ненависть пролетаріевъ одинаково суть порожденія глубокаго пессимизма. Оба они стремятся не къ созиданію, а къ разрушенію; оба не плодятъ жизнь на землѣ, а сокращаютъ ее въ пользу немногихъ сильныхъ и рѣшительныхъ, хотя бы и преступныхъ; оба навязываютъ челоѳчеству свои бездушныя доктрины путемъ ужасныхъ насилій и жестокостей; оба ведутъ людей къ порабощенію, а не къ свободѣ. И все это ради ненасытной жадности къ власти.

Что война ведетъ неизбѣжно къ опустошенію странъ, къ разоренію населенія и развалу всей организаціи челоѳческаго общества, — это давно было извѣстно и никого не удивляетъ. Но чтобы крайнее выраженіе гуманитарнаго и свободолюбиваго социализма могло въ конѣчномъ счетѣ привести къ тому же самому результату, — что такъ блестяще продемонстрировано теперь большевиками въ Россіи, — это ново и довольно неожиданно для самихъ революціонныхъ социалистовъ, которыхъ въ концѣ концовъ все таки всегда тянуло къ положительнымъ (хотя и неосуществимымъ) утопіямъ Ш. Фурье и Р. Овена, а не къ тому, что въ дѣйствительности сулитъ міру всесокрушающій большевизмъ, — средневѣковой пустынѣ, съ нищимъ и апатичнымъ трудовымъ населеніемъ и кучкой сильныхъ и распутныхъ, вооруженныхъ до зубовъ, разбойниковъ надъ ними.

Такимъ образомъ идеализація отрицанія и разрушенія исчезла. Большевики сорвали выжидательную позицію революціоннаго социализма и навязали ему преждевременную идейную развязку. Поэтому социалисты остались безъ социальна-революціонной программы, и имъ приходится волей-неволей заниматься въ этотъ критическій моментъ несвойственной имъ, чисто либеральной "борьбой съ реакціей", стоя на точкѣ зрѣнія не "социализма", а "демократичности". Но этимъ суррога-

томъ идейный кризисъ не разрѣшается. Въдѣ демократическое государство есть только средство для установленія болѣе удовлетворительной и устойчивой соціальной организаци, чѣмъ существовавшая до настоящаго революціоннаго момента. Поэтому на демократическомъ государствѣ лежитъ обязанность провести извѣстныя соціальныя реформы. Но въ томъ то и дѣло, что всѣ тѣ соціальныя реформы, которыя назрѣли еще при старомъ порядкѣ и которыя можно было бы проводить теперъ,—какъ 8-ми час. рабочій день, минимальная заработная плата, страхование отъ увѣчій и болѣзней и т. д.,—уже не удовлетворяютъ современныя трудовыя организаци. Онѣ хотятъ участія въ администраціи предпріятій, въ которыхъ работаютъ, и даже въ самомъ управленіи государствомъ, въ которомъ живутъ.

Вотъ почему въ не менѣе беспомощномъ положеніи оказываются и буржуазные демократы: въ ихъ портфеляхъ нѣтъ для труда ничего кромѣ компромисовъ.

Едва ли нужно говорить объ крайнихъ правыхъ, въ портфеляхъ которыхъ нѣтъ и этого, а лишь всеплательный рецептъ: "тащить назадъ и не пущать!"

Жизнь требуетъ повышенія производительности труда, во что бы то ни стало. А въ условіяхъ обычнаго наемнаго труда и при современномъ отношеніи къ нему наемнаго работника, серьезное повышение производительности невозможно. Пропитанный классовою ненавистью, наемный рабочій видитъ въ своемъ трудѣ лишь эксплуатацію и проклятіе своей жизни. А такъ какъ производительность труда находится въ прямой зависимости отъ интереса и amour propre, которыя работникъ вкладываетъ въ свою работу, то очевидно, что это условіе осуществимо, только когда рабочій сдѣлается, въ той или другой мѣрѣ, заинтересованнымъ участникомъ въ самомъ предпріятіи. У крестьянъ это

стремление выражается въ требованіи права собственности на землю, а у промышленнаго работника — участія въ управленіи.

А между тѣмъ обычная организація производства и распредѣленія такого участія не допускаетъ, — даже ко- партнершипъ не удовлетворяетъ обѣ стороны.

Нужно, значить, найти какую-то новую форму общественной организаціи труда, которая отвѣчала бы новымъ требованіямъ. И отмахнуться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности.

На основаніи опыта кооперативныхъ предприятий можно утверждать, что проблема повышения производительности труда разрѣшима только въ этомъ направленіи, — когда рабочіе откажутся отъ обычнаго профессиональнаго отношенія къ своему труду, какъ къ чему-то чужому и враждебному, и увидятъ въ немъ свое общественное дѣло, — свое, а не чужое. Только при этомъ условіи оказывается фактически возможнымъ избѣжать требованій ни съ чѣмъ несообразныхъ повышеній расцѣнокъ за трудъ, устранить безцѣльные и безконечныя забастовки и установить довѣрчивыя и доброжелательныя отношенія между рабочими и выборной кооперативной администраціей. При существованіи же обычнаго профессиональнаго отношенія къ наемному труду — "какъ можно больше получить и какъ можно меньше сработать", — даже въ кооперативныхъ предприятияхъ ни при какихъ договорахъ, ни при какихъ правилахъ и условіяхъ труда, дѣло не обходится безъ забастовокъ и безъ обостренія отношеній. А въ кооперативномъ дѣлѣ, какъ извѣстно, одинъ изъ обязательныхъ принциповъ управленія состоитъ въ томъ, что условія труда здѣсь должны быть наилучшія изъ всѣхъ подобныхъ же предприятий въ округѣ: — высшія расцѣнки, болѣе льготныя часы

труда, регулярные оплачиваемые отпуска всѣмъ рабочимъ и служащимъ, и т. д.

Какіе - же отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводы ? —

1) никакими частичными уступками въ условіяхъ наемнаго труда, т. е. повышеніемъ расцѣнокъ, сокращеніемъ рабочихъ часовъ и т. п. палліативами, помочь дѣлу нельзя, потому что это сказка про бѣлаго бычка.

2) Все дѣло въ отношеніи трудящагося къ своему труду. Оно можетъ быть или "изъ подъ палки", "съ ненавистью", "по обязанности", вообще постороннее. Или оно можетъ быть "по доброму желанію", какъ къ своему общественному дѣлу, "съ интересомъ" и даже съ любовью (*amour propre*). Первое отношеніе формальное и мертвое, отрицательное; а второе жизненное, положительное и творческое. Изъ перваго выросъ въ конечномъ счетѣ большевизмъ, а изъ втораго должны возникнуть и уже возникаетъ новый солидарный порядокъ человѣческихъ отношеній и новый созидательный социализмъ, — третья и послѣдняя стадія социализма, которой и суждено, по нашему убѣжденію, утвердиться путемъ естественной эволюціи и экономической самодѣятельности населенія при содѣйствіи государства.

3) Въ основѣ его лежитъ творческій трудъ и признаніе за всѣми людьми, къ какому-бы классу они ни принадлежали, способности къ творчеству, которое и есть истинный источникъ новыхъ цѣнностей (*surplus value*) въ производствѣ. Имъ опредѣляется общественное достоинство всѣхъ людей въ общежитіи; оно является источникомъ самоудовлетворенія жизнью и самыхъ счастливыхъ переживаній отдѣльныхъ людей.

На этой основѣ здороваго оптимизма и положительнаго отношенія къ жизни, будетъ строиться въ

будущемъ и весь новый общественный порядокъ. Трудъ перестанетъ быть товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ тому, кто больше за него дастъ. Онъ сдѣлается однимъ изъ видовъ общественнаго служенія ради общаго блага. Организовываться трудящіеся будутъ не для борьбы со своими классовыми врагами, а либо для облегченія и усовершенствованія труда, либо для повышения его успѣшности и производительности. Съ другой стороны капиталъ, сдѣлавшись общественнымъ (муниципальнымъ, кооперативнымъ и т. д.), перестанетъ автоматически притягивать къ себѣ, какъ магнитъ, всѣ остатки цѣнностей отъ личнаго потребления людей и распухать во враждебную труду силу, какъ снѣжный комъ, отъ прилипающихъ къ нему новыхъ и новыхъ дивидендовъ. Съ ограниченіемъ прибыли на капиталъ и съ подчиненіемъ его общественному управленію и контролю, какъ это и теперь уже дѣлается въ общественныхъ предпріятіяхъ, онъ перестанетъ быть орудіемъ эксплуатаціи и сдѣлается служебнымъ средствомъ для распространенія благъ такихъ организацій на новыя и новыя части населенія. Такой одухотворенный трудъ будетъ интересовать людей не своими внѣшними свойствами — приносить заработокъ,—а внутреннимъ содержаніемъ,—своею способностью удовлетворять новыя духовныя запросы. Согласно оригинальному объясненію англійскаго художника, покойнаго Вилліама Морриса, истинный источникъ искусства есть удовольствіе въ трудѣ. Отсюда понятно, какія широкія перспективы открываются для искусства при такой постановкѣ общественнаго труда въ будущемъ. Тоже самое можно сказать и всѣхъ другихъ родахъ дѣятельности — образованіи, охранѣ народнаго здравія, воспитанія дѣтей и т. д.

Вотъ выявленіе основъ этого-то грядущаго новаго

порядка во всѣхъ областяхъ жизни и ставить своей главной задачей редація "Грядущей Россіи". Мы знаемъ, что положительныя, творческія основы его есть повсюду — въ природѣ человѣка, въ его трудѣ, въ обществѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественныхъ организаціяхъ, — словомъ, всюду, гдѣ дѣйствуютъ живыя, созидательныя силы, но гдѣ современные люди не видятъ и не ощущаютъ ихъ. — Почему? Для этого конечно есть много объективныхъ причинъ, — но отчасти и потому, что ихъ духовное зрѣніе было отравлено пессимизмомъ за послѣдніе почти сто лѣтъ. Они страдали своего рода духовнымъ дальтонизмомъ къ положительному содержанію жизни, — и теперь этой болѣзни приходитъ конецъ. Міровая война съ одной стороны и большевизмъ съ другой вскрыли для всего свѣта и въ особенности для насъ русскихъ (и не для однихъ интеллигентовъ, а для массы русскаго народа), что такое несетъ съ собой этотъ загадочный и демоническій "сверхчеловѣкъ". И мудрено ли, что они съ отвращеніемъ отворачиваются отъ этого бездушнаго и злобнаго порожденія пессимистической доктрины? Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ встревоженныхъ душахъ возникаетъ образъ другого сверхчеловѣка, движимаго иными мотивами положительнаго, а не отрицательнаго свойства, вдохновленнаго стремленіемъ къ созиданію, а не къ разрушенію, къ свободѣ, а не къ порабощенію, ищущаго новаго основанія равенства всѣхъ людей въ самой природѣ человѣка, сверхъ легкомысленно - развѣвчанныхъ "правъ человѣка и гражданина", и ставящаго требованія общаго блага выше всякихъ партійныхъ или классовыхъ задачъ и вождедѣній.

Такова соціальная идея, вдохновляющая и насъ.

Что же касается до политики, то тутъ все гораздо проще и яснѣе. Прекращеніе гражданской войны въ Россіи сдѣлается возможнымъ лишь съ того мо-

мента, когда русская государственная власть будет окончательно вырвана из рук большевистских комиссаров. А до тех пор подавление большевистского бунта вооруженной рукой не должно и не может прекратиться.

Возстановить народное хозяйство и рабочий аппарат в современной России может только искренно демократическая, но твердая власть, потому что для этого она должна привлечь к сотрудничеству с собою большую часть населения, хотя бы через народные кооперативные организации. Иначе нам грозит цѣлый ряд переворотов вплоть до полного изнеможения и захвата страны чужеземцами того или другого наименования.

Съ бѣшеннымъ ростомъ спекуляціи въ населеніи, какъ съ другимъ видомъ азартной игры и озвѣрѣнія, слѣдуетъ бороться, какъ съ симптомами остраго духовнаго голода, не столько судами и разстрѣлами, сколько путемъ широкой организациі массоваго просвѣщенія, проповѣдью художественной красоты, научной истины, моральнаго и духовнаго возрожденія.

Для всякой власти во время гражданской войны обязательны двѣ задачи — успѣхъ въ войнѣ съ врагами и сохраненіе за собою довѣрія населенія. Достиженіе первой невысказано безъ осуществленія второй. Поэтому совершенно необходимо привлечь къ участию въ управленіи страной ея демократическія силы.

А чтобы онѣ шли и вѣрили власти, нужно, чтобы гражданское управленіе находилось въ рукахъ людей, пользующихся довѣріемъ населенія. А кромѣ того, чтобы военныя власти не мѣшались въ него безъ крайней надобности. Довѣрять военной власти населеніе можетъ только черезъ гражданское управленіе и за его поручительствомъ. Этого никогда не слѣдуетъ забывать, особенно во время гражданской войны, когда насе-

леніе тыла такъ чутко ко всякимъ ошибкамъ новой власти. А кромѣ того, какъ бы мы ни любили и ни уважали свою армію за ея геройскую готовность умирать за Родину въ критическій моментъ ея жизни, — мы не можемъ не сознавать, что она, какъ учрежденіе, есть все-таки органъ разрушенія на тѣлѣ созидающей націи. Рано или поздно настанетъ моментъ, когда Родинѣ понадобится развернуть всѣ свои созидающія силы. И горе ей, если въ этотъ моментъ главныя части ея государственнаго управленія окажутся поглощенными военной организаціей. Дѣло легко можетъ окончиться хронической болѣзнью военныхъ переворотовъ, какъ это и было въ Испаніи или въ Мексикѣ.

Учредительное Собраніе необходимо созвать при первой возможности на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Но собирать его еще во время войны, когда большевистскій угаръ еще не улегся, — опасно. Поэтому приходится до окончанія войны ограничиваться періодическими совѣщаніями выборныхъ представителей населенія (земствъ, городовъ, общественныхъ организацій).

По мѣрѣ занятія освобожденныхъ отъ большевиковъ мѣстностей въ нихъ какъ можно скорѣе необходимо вводить земское и городское самоуправленіе изъ мѣстныхъ людей. Это особенно важно въ мѣстностяхъ инородческихъ.

Еврейскіе погромы обязательно должны пресѣкаться самыми суровыми мѣрами. Иначе это поведетъ къ деморализаціи и арміи, и населенія. Никому и никогда погромы не проходили еще даромъ. Пусть наши антисемиты не забываютъ этого.

Братся за разрѣшеніе или перерѣшеніе земельного вопроса во время гражданской войны, значить дѣлать то же, что дѣлали большевики, поднимая социальныя во-

просы во время мировой войны, — и приблизительно съ тѣми же результатами.

По отношенію къ обособившимся отъ Россіи народностямъ, мы не можемъ повѣрить, чтобы наше единство съ ними въ прошломъ было дѣломъ одного нашего захватнаго имперіализма, а не въ гораздо большей степени — государственно-экономическихъ и географическихъ **необходимостей** въ объединеніи съ Россіей. Онѣ, — эти **необходимости**, — существуютъ и до сихъ поръ, и требуютъ новыхъ приспособленій въ интересахъ самихъ народностей на почвѣ широкой **областной автономіи**, а — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — **быть можетъ**, и федераціи. Вотъ почему мы не можемъ **признать съ легкимъ сердцемъ**, чтобы ихъ безусловный сепаратизмъ могъ быть для кого нибудь изъ насъ, или для всѣхъ вмѣстѣ, однимъ чистымъ благомъ.

Н. В. Чайковскій